Лозбенев, И. Н. Рабочее движение в центральной части Европейской России в годы новой экономической политики (1921—1929) / И. Н. Лозбенев // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск БГУ, 2011. — С. 146 – 151

И. Н. Лозбенев

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1921—1929)

События, происходящие в Западной Европе в результате мирового экономического кризиса, вольно или невольно возвращают нас к событиям начала XX в., а в России — к периоду проведения новой экономической политики, которая наряду с Гражданской войной также разрушала все, что было накоплено дореволюционными годами. И при Советской власти было много выступлений рабочих за свои права и достойную жизнь. Однако ранее писать и говорить об этом было не принято, как и исследовать эту проблему. Но с исторической точки зрения движение рабочих за свои права уже два века является одним из ведущих факторов политического развития многих стран мира.

История России в данном случае не является исключением. Особенно ярко сила рабочего движения проявилась в конце XIX — начале XX в. Многие рабочие тогда являлись участниками трех российских революций и в значительной мере способствовали приходу к власти партии большевиков. Казалось бы, рабочие получили то, что хотели: в Советской России пролетариат получил статус правящего сословия. Однако на деле многие проблемы самих рабочих решались слабо. Прежде всего они считали, что, заменив старую буржуазию в управлении предприятиями, большевики взяли на себя устранение всех недостатков и проблем в промышленности. К этому добавлялось и желание воспользоваться возможными плодами революции: снижением продолжительности рабочего дня и производственной нагрузки, повышением заработной платы, улучшением условий труда и жизни. На деле же решить эти проблемы в короткие сроки у Советского государства не было возможности. Большевикам еще предстояло учиться организовывать производство, торговать, решать хозяйственные вопросы. Многие социальные требования рабочих, оправданные с их точки зрения, входили в противоречие с необходимостью повышать эффективность производства, снижать издержки, экономить на расходах.

Возникавшие противоречия и вызывали к жизни разные формы протеста и самоорганизации, способы взаимопомощи. То есть возникали различные формы проявления активности, характеризующие рабочее движение. Эта проблема фактически в российской историографии в комплексе не рассматривалась. Рабочее движение в Советский период истории России в целом и в годы новой экономической политики в частности — все еще слабо изучено. Например, в 3-м издании Большой Советской Энциклопедии в статье «Рабочее движение» вопрос показан только применительно к России до 1917 г. и по отношению к другим государствам, отнесенным к капиталистическому лагерю.

С начала 1990-х гг. ситуация в историографии стала меняться. Нельзя сказать, что проблема рабочего движения в Советской России привлекла внимание большого числа историков, но определенное количество работ по данной тематике все-таки появилось. Среди прочих можно указать дискуссию о сущности рабочего движения на начальном этапе развития Советской России, прошедшую в 2002 г. и получившую отражение на страницах журнала «Отечественная история» [1, с. 224]. Отдельные работы по данной тематике опубликовали Д. О. Чураков, С. В. Яров, В. Розенберг, Б. Н. Казанцев, А. В. Мирясов [2]. Особое место среди работ

Лозбенев Игорь Николаевич — преподаватель лицея № 1511 при Московском инженерно-физическом институте, кандидат исторических наук

по данной тематике имеет сборник статей «Трудовые конфликты в Советской России 1918—1929 гг.» (М., 1998). В нем представлены аналитические и фактические материалы по проблеме. Однако еще многие вопросы данной темы требуют исследования.

Центральный промышленный район занимал в 1920-х гг., как и сейчас, совершенно особое положение в экономике страны. На его территории располагались такие крупные промышленные центры, как Москва, Московская и Ивановская губернии. Отдельные промышленно-развитые районы имелись в Тверской, Тульской и Владимирской губерниях. Однако Смоленскую, Калужскую и Рязанскую губернии можно оценить преимущественно как сельскохозяйственные регионы. На этой небольшой, по российским меркам, территории были сосредоточены сотни крупных и тысячи средних и мелких предприятий, на которых были заняты сотни тысяч рабочих. Вполне естественно, что в Центральной России рабочее движение приняло значительный размах и проявило себя в разнообразных формах.

Наиболее эффективной формой воздействия со стороны рабочих на власть и владельцев предприятий (как до 1917 г., так и в исследуемое время) была забастовка. Период 1920-х гг. богат примерами подобной формы рабочего протеста, тем более в таком промышленно-развитом регионе, как центральная часть Европейской России, о чем свидетельствуют данные таблицы.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЗАБАСТОВОЧНОГО ДВИЖЕНИЯ ПО ШЕСТИ ГУБЕРНИЯМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В ГОДЫ НЭПА

Регион (губерния)	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	Итого
Московская	17	29	27	18	42	—	18	—	—	151
Тверская	7	16	4	5	9	6	6	1	3	56
Тульская	2	15	1	1	1	8	7	—	—	35
Смоленская	—	—	—	5	3	2	—	—	—	10
Владимирская	—	1	18	11	6	3	9	3	—	51
Иваново-Вознесенская	22	3	5	2	57	62	31	5	—	187
Итого	48	64	55	42	97	102	71	9	3	491

* Составлена и рассчитана автором по данным: 3, д. 320, 324, 537; 4, д. 46, 48, 49, 50; 5, д. 34; 6, д. 49; 7, д. 70; 8, д. 143, 231; 9, д. 269; 10, д. 490, 514; 11, д. 264, 633—634; 12, д. 2708а; 13, д. 1179, 1296; 14, д. 22, 30; 15, д. 625, 627, 1146, 1350, 2105, 2405; 16, с. 139, 222; 17, с. 511, 590, 751, 950, 958; 18, с. 114, 117, 164, 197, 219, 254, 401; 19, с. 214, 218, 290, 316—317, 359, 380, 473, 734; 20, с. 592; 21, с. 232, 259—260; 22, с. 139, 168, 239, 241, 250, 271; 23, с. 109, 197, 618; 24, с. 133, 195, 196, 201, 238—239, 248, 293, 299, 308—309, 310, 321, 328.

Цифровые показатели в приводимой таблице свидетельствуют о том, что забастовочное движение имело свои спады и подъемы. Первый этап подъема рабочего движения пришелся на первые годы НЭПа. Это было связано с тем, что переход к новой экономической политике хотя и обеспечил спокойствие в крестьянской среде, но очень серьезно ударил по уровню жизни рабочих. Продовольственный налог для крестьян был меньше по объему, чем продовольственная разверстка, а для рабочих пайки за счет продразверстки иногда были едва ли не единственным средством к существованию. Снижение забастовочного движения началось в 1927 г. и почти сошло на нет к 1929 г., когда фактически Советская власть подчинила себе

крестьянство, согнав его в колхозы и обеспечив административно-командным путем трудовые коллективы продовольствием.

Приспособление предприятий к новым условиям рынка влияло на положение рабочих. Многие руководители предприятий еще не владели рыночной конъюнктурой, слабо разбирались в источниках получения сырья, имели проблемы в сбыте произведенной продукции. Следствием некомпетентности руководства стали постоянные задержки заработной платы, пайков, спецодежды и обуви. Практически все случаи забастовок в 1921—1922 гг. были вызваны этими причинами. Например, в 1921 г. в Московской губернии в 47 %, а в Тверской, Тульской и Иваново-Вознесенской губерниях в 100 % случаев причинами забастовок были задержка либо сокращение пайка, невыдача мануфактуры или спецодежды.

В тяжелой экономической ситуации администрации предприятий было трудно выполнить требования рабочих. Так, из 16 забастовок, прошедших в Тверской губернии, требования рабочих полностью или частично были удовлетворены в 5 случаях; во Владимирской губернии — в 2-х из 10; в Иваново-Вознесенской губернии из 23 забастовок требования были удовлетворены частично в трех случаях; в Тульской губернии из 2-х забастовок требования участников были частично удовлетворены в одном случае [3; 8]. Общая ситуация в стране не способствовала снижению напряженности. Проблема снабжения рабочих продовольствием стояла так остро, что иногда даже частичное удовлетворение их требований вело к прекращению забастовок. К примеру, пятидневная забастовка рабочих 11-й государственной типографии «Труд» в г. Гороховец Владимирской губернии, проходившая в феврале 1921 г., закончилась как только рабочим было выделено по 10 фунтов хлеба на человека и была организована починка обуви [3, д. 243]. Почти двухнедельная забастовка рабочих Старицкой уездной типографии Тверской губернии (август 1921 г.), охватившая 3/4 коллектива, закончилась после выдачи рабочим по 1 фунту соли и по 2 коробки спичек и обещания хлеб выдать за август и сентябрь одновременно [3, д. 320]. Двухнедельная забастовка почти всего коллектива Яхонтовского завода Тульской губернии, проходившая в декабре 1921 г., прекратилась после выплаты половины задолженности за ноябрь — декабрь 1921 г. [3, д. 324]. Забастовка на фабрике в селе Наволоки Иваново-Вознесенской губернии, зревшая в течение долгого времени и произошедшая в июне 1921 г., прекратилась сразу после обещания администрации выполнить требования рабочих [15, д. 627].

В 1922 г. в забастовочном движении центральной части Европейской России стали проходить не только количественные, но и качественные изменения. Вырос уровень организованности протестного движения. Стали меняться и причины забастовочного движения. Значительно большее место заняли требования повышения зарплаты (тарифов) и снижения норм выработки продукции, протесты по поводу сокращения рабочих мест, задержек выдачи продовольственных пайков, других просчетов в деятельности администрации и профсоюзов. Это стало причиной 58,6 % забастовок в Московской губернии, 43 % забастовок в Тверской и 70 % забастовок в Тульской губернии [3; 4; 10; 16; 24]. Анализ требований рабочих указывает на то, что произошла их «денатурализация». Рабочих стало интересовать не только снабжение продовольствием, но и размеры зарплаты и тарифов. При этом продовольственная проблема оставалась одной из причин неполитических выступлений рабочих.

Советское руководство понимало всю сложность создавшейся ситуации. Рост забастовочного движения не мог не вызывать беспокойства со стороны местного губернского руководства. И. А. Зеленский — руководитель Московской организации ВКП(б) — говорил на XI Московской губернской партийной конференции, что усиление стачечного движения рабочих было вызвано задержками заработной платы, ее снижением (прежде всего при перечислении зарплаты из совзнаков в золотые рубли), необходимостью улучшения быта рабочих [6, д. 2]. Результатом деятельности руководства стало повышение в 1924—1925 гг. заработной платы рабочих, составлявшей в 1923/24 г. 1,09 рубля в день, а в сентябре 1925 г. уже 1,4 руб. [25, с. 318].

К причинам обострения ситуации в рабочей среде необходимо отнести и «разовый» компонент, связанный с изъятием церковных ценностей для организации помощи голодавшим в Поволжье. Из всех регионов Центральной России только в Тульской губернии, где священнослужители сами стали организовывать этот процесс, он прошел более или менее организованно. В остальных регионах изъятия сопровождались теми или иными осложнениями. Так, в марте 1922 г. вспыхнула забастовка в Тейковском уезде Иваново-Вознесенской губернии, где на разных предприятиях было остановлено 100 станков [15, д. 627]. В Смоленске 28 марта 1922 г. в ответ на изъятие ценностей одного из соборов города забастовали рабочие железнодорожных мастерских [26, д. 72]. Против изъятия ценностей 24 апреля 1922 г. выступило со своей резолюцией собрание рабочих завода «Вулкан» Бежецкого уезда Тверской губернии [26, д. 72], а 19 апреля 1924 г. — рабочие фабрики Карабинова г. Александрова Владимирской губернии [26, д. 72]. Однако такие эпизоды носили единичный характер, а массового протеста в ответ на действия государства в отношении церкви не было.

Весна — лето 1923 г. стали временем массового выступления рабочих торфяников в Московской, Тверской и Иваново-Вознесенской губерниях. Рабочие требовали повышения и своевременной выдачи заработной платы и выдачи 50—60 аршин мануфактуры. Только в Подмосковье на 13 торфяниках бастовали 13 185 человек, что привело к потере 42 тыс. рабочих дней. К ним присоединились рабочие Тейковских торфоразработок Иваново-Вознесенской губернии, затем еще 300 рабочих Шуйских торфоразработок и т. д. Развитие стачечного и забастовочного движения на торфяниках привело к созданию стачечного комитета, управлявшего забастовкой, который выдвигал планы проведения в 1924 г. всеобщей забастовки торфяников Иваново-Вознесенской, Тверской, Костромской, Нижегородской и Петроградской губерний [15, д. 1146]. Такая организованность рабочих привела к признанию его значимости местными властями.

Собравшийся уже в первый день забастовки на экстренное заседание Тейковский уездный комитет РКП(б) постановил: «Отправить на болото делегацию и, не собирая общего собрания, провести беседы на предмет выявления сущности конфликта» [15, д. 1143]. В самый разгар забастовки в Тейково прибыл представитель ЦК профсоюза горнорабочих. Он сумел остановить забастовку, объяснив рабочим, что их требования противоречат коллективному договору. И хотя требования не были сняты, работа на торфяниках возобновилась [15, д. 1146]. Однако использовались не только уговоры, но и «кнут». Так, по итогам забастовки были арестованы 6 ее организаторов и уволены с работы 7 представителей низшей администрации, допустившие остановку работы [15, д. 1143]. Это были самые массовые выступления в 1923—1924 гг. Казалось, что под влиянием уступок со стороны властей ситуация к середине 1920-х гг. успокоится. Но, как показали последующие события, это было заблуждение партийно-советских властей.

В 1925—1926 гг. прошла новая волна забастовок. При внимательном рассмотрении данных статистики можно увидеть, что большая часть всех забастовок этого периода — почти 60 % — пришлась на Иваново-Вознесенскую губернию, и были они более организованными и масштабными.

В январе 1925 г. начались волнения на фабрике «Зарядье» из-за грубого обращения директора к рабочим, а также из-за перехода к обслуживанию трех станков на многих предприятиях губернии. Однако волнения не переросли в забастовки [19, с. 52, 58]. Забастовки приняли массовый характер в апреле 1925 г.: в связи с низким уровнем заработной платы. По той же причине забастовали 100 человек на Мало-Кохомской мануфактуре, остановилась работа Тейковской текстильной фабрики, работа прядильного цеха Родниковской мануфактуры [19, с. 250—253]. Действительно «забастовочным» стал май 1925 г., когда в разное время останавливалась работа 14 предприятий, а забастовками были охвачены 12 тыс. рабочих [19, с. 286—320]. Летом — зимой 1925 г. забастовочная волна стала несколько слабее: в июне

забастовок было 6, в июле — 4, в августе — 3, в ноябре — декабре еще 10 [15, д. 2105; 19]. В 1926 г. на первый взгляд ситуация не изменилась, число забастовок даже увеличилось. Однако они стали менее масштабными по числу участников: если в 1925 г. забастовками было охвачено 16 тыс. человек (13,3% всех работников), то в 1926 г. — лишь 5 тыс. (3,3 %) [15, д. 2105].

События 1925 г. привлекли внимание власти. Под давлением мощного забастовочного движения с июля 1925 г. в деятельности профсоюзных и партийных органов произошел перелом в сторону налаживания более тесного сотрудничества с рабочими, проведения воспитательных мероприятий, борьбы против бюрократизма и халатности. В этот период получила развитие практика созыва рабочих конференций в связи с хозяйственными затруднениями. Конференции охватили все крупные промышленные предприятия региона [15, д. 1956]. Власть начала говорить с рабочими, пытаться понять их нужды, по возможности решать их проблемы.

Период 1925—1926 гг. стал высшей точкой развития забастовочного развития в регионах Центральной России в годы НЭПа. К концу 1920-х гг. число забастовок стало резко снижаться. Среди многих причин можно указать и то, что в середине 1920-х гг., в частности, на предприятиях Московской губернии, требования рабочих удовлетворялись на 80—90 % [27, с. 113]. Возможно, это и можно считать главным итогом данного этапа рабочего движения в Советской России.

Каждое историческое событие или явление — продукт своей эпохи. В полной мере это можно отнести к рабочему движению в губерниях Центральной России 1920-х гг. Оно развивалось в специфических условиях, когда рабочий класс был объявлен привилегированным слоем населения и, казалось бы, должен был только пользоваться своим особым положением. Жизнь показала обратное. Государство, взяв на себя управление предприятиями, не могло в полной мере выполнять требования рабочих, чем вызвало волну протестного движения. События конца XIX — начала XX в. не прошли даром для рабочих. Они многому научились, отстаивая свои права, и это в полной мере проявилось в развитии забастовочного движения в 1920-х гг. В то же время их протест не был направлен против Советской власти как системы управления. Рабочие признавали ее «своей», созданной при их непосредственном участии. Точно так же их протест не был направлен против правящей партии, а скорее наоборот — большевики пользовались поддержкой рабочих. Критика и протестные действия были обращены против отдельных проявлений бюрократизма и бесхозяйственности, а не против советской системы в целом. Именно с этих позиций и необходимо рассматривать рабочее движение в Центральной России в годы НЭПа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отечественная история. 2002. № 2.

2. *Чураков, Д. О.* Динамика рабочих выступлений 1917—1918 гг.: новые подходы / Д. О. Чураков // Революции и реформы в России. Исторический контекст и современное содержание. М. : Квадрат С, 1999. 402 с.; *Чураков, Д. О.* Рабочий вопрос и рабочее государство: Анатомия конфликта: Очерки по истории протестного движения в 1917—1918 гг. / Д. О. Чураков. М. : Экономическая демократия, 2000. 159 с.; *Яров, С. В.* Источники по истории политического протеста в Советской России в 1918—1923 гг. / С. В. Яров. СПб. : Дмитрий Буланин СПб ФИРИ РАН, 2001. 159 с.; *Розенберг, В.* Формы и способы рабочего протеста в 1918—1929 гг. / В. Розенберг // Трудовые конфликты в Советской России 1918—1929 гг. М. : Эдитория УРСС, 1998. 357 с.; и др.

3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 15. Д. 320, 324, 537.

4. Центральный архив общественных движений г. Москвы (далее — ЦАОДМ). Ф. 3. Оп. 2. Д. 46, 48, 49, 50.

5. ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 34.

6. ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 49.

7. Государственный архив Тверской губернии (далее — ГАТО). Ф. Р-291. Оп. 7. Д.70.
8. ГАТО. Ф. Р-291. Оп. 16. Д. 143, 231.
9. Тверской центр хранения документов новейшей истории (ТЦХДНИ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 269.
10. Центр научной информации Тульской области (далее — ЦНИТО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 490, 514.
11. ЦНИТО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 264, 633, 634.
12. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 2708а.
13. Государственный архив Владимирской области (далее — ГАВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1179, 1296.
14. ГАВО. Ф. р-24. Оп. 5. Д. 22, 30.
15. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. р-2. Оп. 1. Д. 625, 627, 1146, 1350, 2105, 2405.
16. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении дел в стране (1922—1934 гг.). Т. 1. Ч. 1. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. 491 с.
17. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении дел в стране (1922—1934 гг.). Т. 1. Ч. 2. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. 489 с.
18. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении дел в стране (1922—1934 гг.). Т. 2. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. 510 с.
19. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении дел в стране (1922—1934 гг.). Т. 3. Ч. 1. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. 495 с.
20. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении дел в стране (1922—1934 гг.). Т. 3. Ч. 2. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. 463 с.
21. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении дел в стране (1922—1934 гг.). Т. 4. Ч. 1. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. 703 с.
22. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении дел в стране (1922—1934 гг.). Т. 5. М.: Институт Российской истории РАН, 2003. 797 с.
23. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении дел в стране (1922—1934 гг.). Т. 6. М.: Институт Российской истории РАН, 2003. 794 с.
24. Трудовые конфликты в Советской России. 1918—1928 гг. М. : Эдитория УРСС, 1998. 357 с.
25. Стенографический отчет заседаний Пленума Московского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1926 г. // Московский рабочий. 1926. № 11. 59 с.
26. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 140.
27. *Казанцев, Б. Н.* Материалы государственных, партийных и профсоюзных органов о выступлениях рабочих на предприятиях Советской России в 1918—1928 гг. По фондам РЦХИДНИ и ГАРФ / Б. Н. Казанцев // Трудовые конфликты в Советской России. 1918—1929 гг. М. : Эдитория УРСС, 1998. 357 с.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена вопросам развития рабочего движения в регионах Центральной России в годы проведения новой экономической политики. В работе подробно исследованы масштабы забастовочного движения в регионе и причины его возникновения, отношения с местной властью, место рабочих в составе протестного движения в Советской России 1920-х гг.

SUMMARY

The article is devoted to the issues of working — class movement progress in Central Russia during the period of New Economic Policy. This work inquires into the scale of strike movement in the area and the reasons of its origin in detail. The political actions of workers, their relations with the local authorities and the position of the working class in the protest movement in Soviet Russia in the 1920s are considered separately.

Статья поступила в редакцию 25 декабря 2010 г.